

На правах рукописи

Тимофеева Ирина Федоровна

**Повесть «Шинель» Н.В. Гоголя в итальянских переводах.
Проблемы интерпретации**

Специальность 10.01.01 – «Русская литература»

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск
2005

Работа выполнена на кафедре русской литературы Новосибирского государственного университета

Научный руководитель – кандидат филологических наук доцент
Соболевская Наталья Николаевна

Официальные оппоненты – доктор филологических наук
профессор Лебедева Ольга Борисовна
кандидат филологических наук доцент
Козлова Анастасия Викторовна

Ведущая организация – Институт филологии СО РАН

Защита состоится 15 июня 2005 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Томском университете по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан 13 мая 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, профессор Л.А. Захарова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью комплекса историко-функциональных проблем, связанных со спецификой бытования произведений Гоголя в иноязычных культурах. обстоятельные библиографические указатели сочинений писателя и работ о нем¹ отмечают тот факт, что среди обширного количества специальных трудов, посвященных разнообразным проблемам гоголевского творчества, слабо представлены исследования, предметом которых являлся бы комплекс вопросов, связанных с выявлением закономерностей функционирования произведений писателя в иноязычной среде² и, конкретнее – в итальянской литературе.

Кроме того, время актуализировало и такой аспект представленной проблемы, как изучение общих закономерностей перевода, выявление объективных факторов, влияющих на специфику восприятия и трактовку переводимого текста. Не изучалось также влияние на переводной текст индивидуальных личностных качеств переводчика, то есть, опускалось важнейшее звено в цепочке контактного взаимодействия «текст – фактор посредника (переводчик) – перевод и его функционирование в иноязычной среде»³.

Объектом исследования выбраны пять итальянских переводов повести «Шинель», созданных в период с 1916 по 1986 г. Д.Чамполи, К.Альваро, К.Реборой, Т.Ландольфи, Э.Баццарелли⁴. Данные переводы были выбраны по следующим критериям: 1) наличие оригинальной интерпретации текста повести; 2) присутствие эксплицитной переводческой установки. Предметом анализа в диссертационном сочинении стало выявление переводческой интерпретации и влияния ее на конечный результат перевода в соотношении с интенциональным значением повести.

Повесть «Шинель» в итальянских переводах выбрана в качестве материала исследования потому, что из всех произведений Гоголя именно она вызвала в Италии наибольший интерес (об этом свидетельствует существование в данный момент по меньшей мере двадцати восьми ее переводов); кроме того, оригинальный текст повести отличается множественностью заключенных в нем смыслов, что объективно провоцирует различные его интерпретации и позволяет использовать различные исследовательские методики.

Методологическую основу исследования составили теоретические положения, сформулированные в фундаментальных трудах А.Н.Веселовского, В.М.Жирмунского, М.П.Алексеева, Д.Дюришина, П.М.Топера, З.М.Потаповой, а также работы теоретиков перевода (К.И.Чуковского, В.Н.Комиссарова, Г.Р.Гачечиладзе, И.Левоего, А.Поповича, Ю.Д.Левина, В.Д.Уварова, В.А.Кухаренко) с учетом некоторых коммуникативных и рецепционных аспектов.

Цель работы – выявить и комплексно исследовать проблемы, связанные с интерпретацией и переводом повести «Шинель» Н.В.Гоголя в итальянском социокультурном контексте, и возможные смысловые трансформации гоголевского текста при межъязыковых и межкультурных контактах.

В связи с поставленной целью выделяются следующие задачи исследования:

1. определить «спектр адекватности» «Шинели» (совокупность потенциальных значений текста), и выяснить смысловую доминанту повести, ее интенциональное значение (целеустановку Гоголя);
2. выявить взаимодействие языковых, социокультурных и личностных факторов в преобразовании смыслов художественного текста при переводе;
3. рассмотреть влияние на результат перевода индивидуальной интерпретации текста, сложившейся у реципиента-переводчика;
4. выявить «культурный инвариант» перевода (то есть, устойчивые признаки всех рассматриваемых итальянских переводов «Шинели») или доказать отсутствие такового;
5. выяснить и проанализировать стилистические и смысловые особенности повести в итальянских переводах по сравнению с оригинальным текстом; осуществить сравнительно-сопоставительный анализ некоторых фрагментов переводов.

Научная новизна работы определяется

¹ См., например: Библиографический указатель литературы о Н.В.Гоголе (1829-1882)/Горожанский Я., сост. – М., 1883; Библиография сочинений Н.В.Гоголя и литературы о нем (1916-1934)/Добровольский Л., Лавров В.М./Н.В.Гоголь. Материалы и исследования. Вып. 1. – М.-Л., 1936. – С. 402-477; Произведения Н.В.Гоголя и литература о нем: Библиографический указатель (1992-2001)/Викулова В.П., Савченко Н.Ф. – М., 2004, и др.

² Активно изучалось главным образом взаимодействие творческого наследия Гоголя с литературами союзных республик: Цибахашвили Г.И. Гоголь на грузинском языке//Гоголь и литература народов Советского Союза. – Ереван, 1986; Розенфельд А.З. Гоголь на таджикском языке//Гоголь и литература народов Советского Союза. – Ереван, 1986; Квиташвили К.Х. Гоголь на грузинском языке. – Тбилиси, 1952; Алексанян Е.А. Армянский реализм и опыт русской литературы (Традиции Гоголя). – Ереван, 1977; Бегжанова М.А. Проблемы освоения традиций Н.В.Гоголя в узбекской советской литературе. – М., 1984 и другие. Лишь в последнее время не только расширилась география исследования, включив европейский континент, но и обозначились новые теоретические аспекты вопроса – культурологический и литературоведческий. См. работы: Балажова А. Восприятие и оценка творчества Н.В.Гоголя в Чехии. – Л., 1990; Гураль С.К. Гоголь в современном американском литературоведении. – Томск, 1985; Тарасова Е.К. Н.В.Гоголь в немецкоязычном литературоведении (70-90-е годы XX века). – М., 2002.

³ Исключением является лишь статья М.П.Алексеева об одном из переводов пьесы Гоголя «Ревизор» на немецкий язык, посвященная творческой биографии талантливого немецкого переводчика с русского Т.Вингена (Алексеев М.П. Первый немецкий перевод «Ревизора»//Гоголь. Статьи и материалы. – Л., 1954. – С. 187–259).

⁴ L'uniforme/Novelle, trad. di D. Ciampoli. – Milano, 1916; Il mantello/Novelle russe, a cura di C. Alvaro. – Milano, 1920; Il cappotto, trad. di C. Rebor. – Milano, 1922; Il mantello//Racconti di Pietroburgo di N. Gogol, trad. di T. Landolfi. – Torino, 1941; Il cappotto, trad. di E. Bazzarelli. – Milano, 1980. Все цитируемые в тексте реферата извлечения из поименованных текстов даются в нашем переводе.

1. Авторской трактовкой «Шинели» как текста, смыслообразующим ядром которого является идея служения.

2. Введением в гоголеведение историко-литературные данные, открывающие новые возможности для рассмотрения творчества Гоголя в целом.

3. Тем, что многие обнаруженные нами материалы, касающиеся российско-итальянских литературных связей (в частности, историографии наследия Гоголя в Италии и творчества итальянских писателей и переводчиков), впервые включаются в научный обиход отечественного литературоведения.

Теоретическая и литературно-историческая значимость. Результаты исследования будут способствовать более объективному освещению творчества Гоголя 40-50-х г.г., позволят углубить научные представления о субъективных и объективных факторах художественного перевода. В связи с проблемой интерпретации опосредованно поднимается вопрос о структуре художественного образа, скрытых в нем потенциалах.

Практическая значимость: материалы и выводы диссертационной работы могут быть использованы при чтении академических и специальных курсов по творчеству Н.В.Гоголя и по теории и практике перевода.

Апробация работы. Основные положения работы были изложены в выступлениях на международных конференциях «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2002 и 2003 г.г.), Герценовских чтениях «Русская литература и внелитературная реальность» (Санкт-Петербург, 2003 г.), 4-ых Филологических чтениях «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении» (Новосибирск, 2003 г.)

Структура работы. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Библиографического списка, включающего 315 наименований.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, формулируются цель и основные задачи работы, ее теоретическая и практическая значимость, характеризуются материал и методика исследования, поясняется структура работы, а также дается обзор исследований, посвященных различным аспектам переводов произведений Н.В.Гоголя на иностранные языки. Выдвигается и доказывается тезис об одновременной метакреативности и креативности процесса художественного перевода, являющегося метакреативным в силу своей вторичности, ориентированности на оригинальный текст и одновременно истинно творческим в том смысле, что способен изменять этот текст. Возможность проявления творческой личности переводчика связана с особой, многомерной природой художественного образа.

Первая глава «Шинель» Н.В.Гоголя в Италии: проблемы переводной множественности характеризует общую картину вхождения текстов Гоголя в переводную литературу Италии, анализируя основные причины и факторы, задержавшие контакт Гоголя с итальянским читателем и объясняющие феномен множественности переводов «Шинели» в Италии. Первый параграф **«История переводов Гоголя в Италии»** освещает историю вхождения гоголевских произведений в итальянский контекст. Выясняется, что первые переводы Гоголя на итальянский язык появились значительно позже, чем на другие европейские языки. Это объясняется историко-социальными условиями Италии середины XIX века (подготовка к политическому объединению и обращенность в связи с этим к национальной истории и литературе) и принципиальной трудностью переводов произведений Гоголя, отмечаемой еще современниками писателя.

Общеввропейский интерес к славянским литературам в последней четверти XIX века обусловил внимание к Гоголю, который воспринимался как образчик «национального» русского (и украинского) писателя, чьи произведения очевидно экзотичны. Первые переводы его произведений, появившиеся в Италии («Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего»), относятся к 1877 г., а история бытования «Шинели» ведет отсчет с 1916 г., когда вышел первый перевод повести, выполненный Д.Чамполи (к тому времени итальянский читатель был знаком со всеми произведениями Гоголя, за исключением «Размышлений о Божественной Литургии» и нескольких пьес).

Столь позднее знакомство с «Шинелью» объясняется прежде всего неактуальностью для итальянской литературы XIX века образа «маленького человека». Переводы повести стали появляться с развитием веризма, провозглашавшего основной задачей литературы объективное изображение действительности, то есть, когда возникли «встречные течения» (А.Н. Веселовский) в итальянской культуре. После перевода Чамполи новые переводы повести выходят каждые два-три года. Такой культурный феномен – присутствие в той или иной национальной литературе нескольких переводов одного и того же иноязычного литературного произведения получил в переводоведении название «переводная множественность». Данному проблемному явлению посвящен второй параграф **«Переводная множественность: условия и причины возникновения»**.

Существенным *условием* появления ряда переводов одного произведения является творческая индивидуальность и свобода переводящего субъекта. Творческая индивидуальность обнаруживается уже на этапе выбора произведения для перевода. В идеале переводчик работает только с «близкими» себе авторами, ощущая тягу к самовыражению через переводимый текст.

С явлением переводческого творчества неразрывно связано понятие «интерпретация художественного текста». О важности интерпретации в процессе перевода говорили многие исследователи (А.Н.Крюков, А.Н.Кочетков, И.И.Ревзин, В.Ю.Розенцвейг и др.), однако до сих пор в научной переводоведческой литературе не сложилось сколько-нибудь устойчивого определения этого термина, равно как не определены его границы и связи с употребляемым в синонимичном значении словом «понимание».

Термин «интерпретация» используется в теории перевода в нескольких значениях. Одно из них – вольность при переводе, более или менее субъективное толкование содержания оригинала; таким образом, интер-

претация противопоставляется собственно переводу, рассматриваемому как эквивалентная передача плана выражения и плана содержания текста. Концепцию интерпретации в переводоведении разработал В.Н.Комиссаров, сформулировавший важное наблюдение об интенциональном значении текста, когда переводчик воспринимает и передает не столько содержание оригинального высказывания, сколько интенцию его автора. Комиссаров признает такой процесс интерпретацией лишь условно, с натяжкой. Однако переводческая практика показывает, что во многих ситуациях, возникающих в процессе перевода, контекстуальные трансформации возможны и допустимы.

Другие исследователи, в частности, Ю.Д.Левин говорят о сочетании в процессе интерпретации факторов объективной и субъективной природы, среди которых особенно важен менталитет переводчика (особенности его внутреннего мира, сформированные конкретно-исторической эпохой и своеобразной национальной средой).

В дальнейшем под переводческой интерпретацией мы будем подразумевать субъективное восприятие и оценку текста, а также изложение оригинала переводчиком. В таком виде интерпретация неизбежно присутствует и влияет на перевод, именно в силу его метакреативной природы: оригинальное произведение несет на себе отпечаток личности своего автора, переводное – переводчика.

Помимо отсутствия творческой индивидуальности и переводческой интерпретации, непременным условием возникновения переводной множественности является сама природа художественного текста, допускающего неограниченное число возможных прочтений.

Причин появления разных переводов одного текста можно выделить несколько. Переводные тексты, как и оригинальные произведения, со временем «стареют»: сделанный ранее перевод может становиться трудным для восприятия. Устаревает его язык (словоупотребление, синтаксис) или стилистические особенности. В результате рождается так называемая диахроническая множественность. Другая причина создания новых переводов – изменение переводческой установки, например, смена господствовавшего принципа буквализма требованием «переводить дух, а не букву». На результат труда переводчика заметное влияние оказывает также его целеустановка и читатель, на которого рассчитан перевод. Наконец, имеет место и экономический фактор возникновения переводной множественности: в Европе и Америке подчас рентабельнее заказать новый перевод, чем приобрести право на переиздание существующего.

Вышесказанное позволило условно разделить итальянские переводы «Шинели» на три основные группы: «филологические», «конъюнктурные» и «творческие» («писательские»). Первые не только стремятся к максимально эквивалентной передаче текста, но и сопровождаются разного рода приложениями и комментариями. Вторые, преследующие какую-либо конъюнктурную цель, являются более или менее добросовестным изложением текста повести средствами итальянского языка. Третьи, выполненные профессиональными литераторами, ярко отражают личность переводчиков и их индивидуальное понимание текста, при этом они парадоксально могут оказываться максимально эквивалентными первоисточнику, ибо писатель, выбирая произведение для перевода, как правило, руководствуется близостью исходного текста своим творческим установкам, обладает более высокой чувствительностью в отношении употребленных в оригинале художественных приемов и владеет более богатым инструментарием, чем обычный переводчик. Отметим, что среди итальянских переводов повести «Шинель» первой половины XX века было немало творческих, а в последние годы усиливается тенденция к созданию филологических переводов, все более внимательных к оригиналу, с одной стороны, и использующих современный язык, с другой.

Вторая глава «Проблемы интерпретации и перевода национального и исторического колорита» посвящена характеристике перевода безэквивалентной лексики (БЭЛ) повести «Шинель». Перевод БЭЛ, несущей в себе национальный и исторический колорит, – немаловажная часть работы переводчика, поскольку национально-культурная специфика составляет один из важнейших пластов текста при функционировании его в иноязычной среде (включенное в пространство чужой культуры художественное произведение оказывается культурным «посредником»). С этой точки зрения перевод произведений Гоголя на иностранные языки особенно сложен, а исследование его переводов плодотворно и интересно, поскольку творчество данного писателя характеризуется специфической «национальностью».

Черты национально-исторического колорита, как любой из аспектов оригинала, подвергаются интерпретации: сталкиваясь в оригинальном тексте с элементами БЭЛ (реалиями), переводчик уясняет их смысловую и композиционную роль, оценивает, насколько значим передаваемый ими колорит, и передает или нивелирует его. Рассмотрение вопроса о передаче в переводе национально-исторического колорита осложняется тем, что последний не может быть сведен к специфической лексике, а выражается в сюжетных ситуациях, характере и поступках персонажей и проч. Встречающиеся в тексте повести реалии можно условно разделить на две основные группы: «общественно-политические» и «этнографические».

Группу общественно-политических реалий составляют названия чинов, существовавших в дореволюционной России согласно «Табели о рангах», официальные обращения, названия учреждений, сословий и связанные с ними понятия. Данная группа реалий в повести довольно обширна (40,4% от общего количества бытовых реалий, встречающихся в тексте «Шинели»), поскольку, как доказывается ниже, все произведение сконцентрировано на проблематике гражданской службы, понимаемой как высокое религиозное служение. Наиболее распространенный способ передачи реалий подобного рода – нахождение для них итальянских аналогов (от 52 до 70% в разных переводах) – представляется вполне допустимым, поскольку он позволяет сохранить в переводе базовую семантику оригинала – концепт службы. При этом нередко реалии комментируются. Комментарии позволяют восполнить недостаток фоновых знаний у воспринимающего субъекта и обеспечить наиболее полное понимание текста, хотя и затрудняют восприятие, отвлекая читателя от повествования.

В группу этнографических реалий входят лексические единицы, денотатами которых являются предметы быта, характерные для данной страны и эпохи, а также этнические и локальные объекты. Они играют в переводе важную роль, являясь преимущественными носителями колорита. Как правило, в произведениях художественной литературы они намного более частотны, чем общественно-политические, и их незначительный количественный перевес (59,6%) в повести «Шинель» объясняется общей ориентацией текста на служебную тематику.

Заглавие произведения в нашем случае также представляет собой реалию, и верная передача ее немало важна, поскольку заголовок является рамочным знаком текста. Узловым значением заглавия повести является указание на служебную семантику (шинель – форменная одежда чиновника). Кроме того, оно подчеркивает мертвенность Петербурга, в котором вещи живут отдельно от людей и дольше их: старая шинель Акакия Акакиевича «досталась» кому-то после его смерти, т.е. продолжила свое существование.

В итальянском языке существует ряд синонимичных слов, обозначающих мужскую верхнюю (служебную) одежду. Именно поэтому некоторые переводчики считали нужным пояснять выбор лексемы для заглавия посредством комментариев. Например, в первом итальянском переводе, выполненном Д.Чамполи, находим: «Русское слово «*šitel*» (именно так – И.Т.) плохо переводится «*mantello*» (плащ, накидка), «*ferraiuolo*» (широкий плащ), «*pastrano*» (мужское пальто; солдатская шинель), оно означает скорее тот вид верхней одежды, который обычно называется «*pipistrello*» (серая солдатская шинель). Мы предпочли «*uniforme*» (форменная одежда, мундир), – название, наиболее подходящее для одежды «*činovnik'a*»⁵. Как видим, главным для переводчика в данном случае был «функциональный» критерий.

Отметим, кроме того, что у шинели Акакия Акакиевича в тексте оригинала наличествует две ипостаси: собственно шинели, «благородной» служебной одежды, и «капота», женского домашнего платья. Переводы обнаруживают различные подходы к двухчастной системе «шинель-капот». Как правило, при передаче ее присутствуют отклонения. Так, Д.Чамполи варьирует наименования «шинели», называя ее «*uniforme*» (мундир), «*pastrano ufficiale*» (служебное пальто), «*capotto*» (пальто), «*pipistrello*» (солдатская шинель), причем невозможно проследить какую-либо закономерность в выборе лексемы для перевода в том или ином случае. Поразному у него именуется и «капот»: «*casacca*» (куртка), «*uniforme*» («*vecchia uniforme*»), «*vecchio pipistrello*» (старая солдатская шинель). Иногда ряды «шинели» и капота» в переводе пересекаются («*uniforme*» является для них общим наименованием). Парадоксально, но только «творческие» переводы, выполненные К.Реборой и Т.Ландольфи, передают двухчастную систему «шинель» – «капот» абсолютно точно: «*capotto*» – «*casacchina*» и «*mantello*» – «*calandrana*» соответственно: очевидно они, сами будучи писателями, смогли оценить ее роль в композиции гоголевской повести. Как видим, при переводе заглавия существенную роль играет интерпретация переводчика, его интуитивное или сознательное понимание авторского замысла.

К БЭЛ часто относятся имена собственные персонажей, особенно если это «говорящие имена», не до конца утратившие внутреннюю форму. Их эквивалентный перевод важен для передачи оригинала, поскольку имя – основной знак героя, и оно, вызывая у читателя определенные ассоциации, влияет на его отношение к герою. В повести присутствуют имена восьми персонажей, причем реально действующими лицами повести являются только трое – Акакий Акакиевич, Петрович и *значительное лицо*, а остальные фигурируют в тексте знаками имен.

Что касается имени Акакия Акакиевича, то оно, как отмечает один из современных исследователей Гоголя М.Вайскопф, включает в себя «...несколько компонентов: семантику смирения, незлобивости (греческая этимология – *α-какос* – слова Акакий) и экзистенциальный вопрос «как?», а также фекальную семантику»⁶. Фамилия Акакия Акакиевича тоже подчеркивает его смирение и «униженность»: башмак, обувь – самый грязный и ближе всего расположенный к земле предмет одежды; кроме того, с начала XIX века башмаками называли только женскую обувь.

В переводах Д.Чамполи и К.Альваро каламбурное осмысление фамилии главного героя не передано вообще, К.Ребора, заостряя внимание на «говорящей» фамилии как одной из черт поэтики Гоголя, отмечает лишь ее комичность, Т.Ландольфи поясняет значение фамилии Акакия Акакиевича прямо в тексте («...имя, которое, как видно, происходит от *basamak*, то есть обувь»), и гоголевский каламбур («Башмачкины ходили в сапогах») он обыгрывает по-своему: «...все Башмачкины носили башмаки (*portarono scarpe*)». Э.Баццарелли, транслитерировав фамилию героя, комментирует ее следующим образом: «Эта фамилия происходит от татарского слова «башмак» – обувь (...). Есть русское выражение «под башмаком», обозначающее тех мужей, которые слишком подчинены своим женам. Кто же эта ужасная жена, угнетающая Акакия Акакиевича? Конечно, это его судьба»⁷. Представляется, что этот несколько неожиданный вывод обусловлен общей концепцией повести, согласно которой ключевое содержание «Шинели» – выражение «космической жестокости мира».

В целом же итальянские переводы первой половины XX века отмечены малым количеством заимствованных и транслитерированных слов и склонностью к полному отказу от БЭЛ, что свидетельствует о господствовавшей тогда тенденции «освоения» подлинника для облегчения его восприятия итальянским читателем и о существенном присутствии личности переводчика, вплоть до того, что последний мог по своему усмотрению изменять оригинальный текст. Переводы, созданные позже (особенно переводы филологические), отличаются более аккуратной передачей элементов БЭЛ.

В Третьей главе «Повесть «Шинель»: духовно-учительное содержание» выявляются узловые про-

⁵ L'uniforme. – Milano, 1916. – С. 189.

⁶ Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. – М., 1993. – С. 315.

⁷ Il Capotto, 1995. – С. 172.

блемно-значимые моменты «Шинели». Проведенный нами краткий историографический обзор критических осмыслений «Шинели» с момента ее появления свидетельствует о неоднозначности трактовки гоголевского текста (хрестоматийные социологический и этический взгляд), однако наиболее объективной представляется позиция, согласно которой в «Шинели» происходит синтез двух этих начал при явном преобладании последнего.

Принимая во внимание убежденность Гоголя в том, что писатель должен приносить пользу душе своими творениями (см. «Выбранные места из переписки из друзьями»), можно утверждать, что повесть «Шинель» – нечто большее, чем социологически ориентированное повествование о «маленьком человеке», и в этом небольшом по объему произведении Гоголь ставит и рассматривает несколько глобальных религиозно-этических проблем, в частности, служения, сотворения кумира и идолопоклонства, любви к ближнему, святости и юродства.

1. В творчестве Гоголя 40-50-х г.г. существенную роль играет понимание гражданской службы как религиозного служения. От прямого, общего значения писатель постоянно обращается к более высокому, гражданскому, а затем и религиозно-духовному смыслу. Подтверждением служит переписка Гоголя разных лет и поздние произведения писателя. Тематика служения пронизывает все «Петербургские повести»: «Боже, какие есть прекрасные должности и службы! как они возвышают и улаживают душу!» («Невский проспект»), «Ковалев был кавказский коллежский асессор. Он два года только еще состоял в этом звании и потому ни на минуту не мог его позабыть» («Нос») и др. Пожалуй, только в повести «Портрет» эта тематика не столь очевидна. Однако и там она присутствует, причем в самом актуальном для Гоголя аспекте: миссия деятелей искусства – своими произведениями приносить пользу людям и служить Богу, ибо, как говорит ушедший в монастырь художник: «...для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое создание искусства». Но только повесть «Шинель» посвящена исключительно изображению «чиновного круга». Единственный персонаж-чиновник в ней – портной Петрович, да и о нем автор не забывает сказать, что он «...занимался довольно удачно починкой *чиновничьих* (курсив наш. – И.Т.) и других панталон и фракков»; даже один из сыновей *значительного лица* «...служил уже в канцелярии», и шинель Акакия Акакиевича тоже «служит»: герой просит Петровича как-нибудь поправить ее, «...чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила». Само название повести, как уже указывалось, тесно связано с темой чиновничества: шинель – прежде всего форменная одежда, знак принадлежности человека к служащим.

Все относящиеся к тематике земной службы слова в «Шинели» полисемантически (и одно из их значений связано с духовно-религиозным пластом лексики) или приобретают более высокое значение в контексте повести: шинель – одежда чиновника/«вечная идея»; значительное лицо – генерал/«в душе добрый человек»; титулярный советник – чиновник/«я брат твой» («вечный титулярный советник») и проч.

Вышесказанное подтверждает, что в «Шинели» Гоголь делает попытку осмыслить миссию человека на земле, путь к спасению души через усердную службу на своем месте. Через иерархию чинов, «Табель о рангах» автор не столько изображает социальную структуру русского общества, сколько выстраивает некий космический порядок, структуру, где у каждого героя своя должность, свой чин.

По черновым редакциям прослеживается, в каком направлении шла правка «Шинели» с точки зрения отражения в ней семантики службы-служения. Особенно показательна в этом смысле работа над началом повести, концентрирующая основные положения автора, развиваемые в последующем тексте.

Внимание писателя сразу сосредотачивается на «одном чиновнике». В данном случае «один» может значить не только «какой-то, любой», но и «единственный в своем роде, уникальный». Уникальность Акакия Акакиевича в окончательной редакции, однако, становится очевидной не сразу (а в первой редакции повесть образ главного героя был предельно обобщенным: «...право не помню его имени», «...очень доброе животное и то, что называют благонамеренный человек»). Сначала он представляется совершенно обыкновенным чиновником: «...на вид нельзя сказать чтобы очень замечательный», состоящий в обыкновеннейшем чине титулярного советника, с обычной фамилией Башмачкин, которую носят еще много людей (упоминаются «...и отец, и дед, и шурин, и все совершенно Башмачкины»). Но потом герою выделяется, обретает индивидуальные черты: его имя оказывается «странным и выскантым», в голосе его тоже заключается «что-то странное», но самое главное, «Вряд ли можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, нет, он служил с любовью». Именно с этих слов начинается второй абзац повести после необыкновенно длинного первого, что выделяет их графически. Между тем, в первой редакции усердие Акакия Акакиевича и его преданность переписыванию не были столь выдающимися: сказано только, что «...он совершенно жил и наслаждался своим должностным занятием, и потому на себя почти никогда не глядел, даже брился без зеркала». Но уже в следующей редакции Акакий Акакиевич полностью посвящает себя переписыванию, а в окончательном варианте сказано, что даже дома по вечерам он «переписывал бумаги, принесенные на дом»; его служение выходит за пределы обыкновенной службы и становится чем-то высшим, выдающимся.

Состоящий в невысоком чине и получающий небольшое жалованье Акакий Акакиевич умеет быть довольным своим жребием, и это отличает его от коллег-чиновников, которые стремятся занимать более высокую должность или хотя бы в чем-нибудь быть похожими на начальников. Говоря о мировосприятии своего героя, Гоголь использует слова «наслаждение», «удовольствие», «довольный», «всласть» и подобные. То есть, хотя Акакий Акакиевич вызывает жалость у читателя повести, сам он отнюдь не чувствует себя несчастным.

Еще один аспект темы службы-служения у Гоголя тесно связан с понятием единения, братства: в повести несколько раз подчеркивается, что департаментские чиновники – братья Акакия Акакиевича. Но и такое служебное братство несовершенно, потому что разобщенно. Об этом Гоголь писал уже несколькими годами ранее, в «Петербургских записках 1836 года». Представляется, что именно разобщенность явилась

причиной смерти Акакия Акакиевича, до которого не пожелал «опуститься» генерал - значительное лицо.

2. Значительное место в повести занимает мысль об опасности идолопоклонства, сотворения кумира. Сотворение кумира в Петербурге – всеобщий грех. Каждый, даже самый мелкий чиновник, одержим гордыней и пытается сам стать кумиром: «Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее «комнатой присутствия», и поставил у дверей каких-то капельдинеров с красными воротниками, в галунах...». Только Акакий Акакиевич кажется на первых страницах повести свободным от греха идолопоклонства, но потом и он творит себе кумира – свою шинель. Ради нее он готов принести в жертву самое необходимое. Когда же шинель была готова и он пришел в ней в департамент, то «осмотрел ее кругом и поручил в особый надзор швейцару», дома он тоже «повесил ее бережно на стене, налюбовавшись еще раз сукном и подкладкой», и в гостях «стряхнул ее, снял с нее всякую пушинку» и проч. Из-за шинели Акакий Акакиевич уже не столь ревностно относится к своей работе: «Один раз, переписывая бумагу, он чуть было не сделал ошибки», а потом и вовсе забывает о переписывании: «...после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг, а так немного посибаритствовал на постели».

3. Любовь к ближнему, сострадание отмечают в качестве основной идеи, кажется, все исследователи, когда речь заходит о повести «Шинель», поэтому мы лишь кратко останавливаемся на ней. Жители Петербурга не лишены сострадания. Начальник департамента, в котором служит Акакий Акакиевич, – «добрый человек», многие сослуживцы героя были тронуты, услышав «повествование о грабеже шинели», образцом сострадательного человека в повести становится молодой чиновник, «пронзенный» словами Акакия Акакиевича. Добрые душевные движения «не были чужды» и *значительному лицу*, сурово распекшему Акакия Акакиевича, однако «чин весьма часто мешал им обнаруживаться», и здесь прослеживается «земное» искажение божественной идеи служения и последствия, к которым оно приводит.

4. Тема святости в различных своих аспектах (проблемы житийного жанра, юродства, учительных традиций и проч.) широко освещается в исследованиях последнего времени, указание на связь образа Акакия Акакиевича с тем или иным святым и поиск агиографических источников «Шинели» стали общим местом⁸. Для этого действительно есть основания: в первых строках повести обнаруживаются черты, характерные для житийного жанра: указание на благочестие родителей («матушка, чиновница и очень хорошая женщина», отец Акакий), подчеркивание исключительных душевных качеств Акакия Акакиевича, в первую очередь смирения и незлобности, семантику мученичества, значимое имя. Встает, однако, вопрос: почему Гоголь ничего не говорит об отношении Акакия Акакиевича к Богу? Возможно, это объясняется убеждением Гоголя, о котором говорилось выше: свят тот, кто усердно служит на своем месте (одно из значений слова «служба» – «богослужение»). Во всяком случае, перекрестился Акакий Акакиевич на протяжении повести лишь однажды, когда, занятый мыслями о шинели, чуть не сделал ошибки в переписываемой бумаге, и Бог присутствует в мыслях героя тоже в связи с его службой: «...что-то бог пошлет переписывать завтра».

В начале повествования Акакий Акакиевич воплощает все христианские добродетели. Однако по ходу повести он поддается искушению шинелью и перестает изображаться в виде праведного человека. Границу этого состояния отмечает изменение его речи: он «...стал разговаривать с собой уже не отрывисто, но рассудительно и откровенно, как с благоразумным товарищем». Меры, которые он принимает, чтобы накопить денег, поражают своей изобретательностью и осмысленностью. Он перестает быть робким и смиренным: «Огонь порою показывался в глазах его, в голове мелькали самые дерзкие и отважные мысли» (и пусть Гоголь иронически пишет об их содержании: «не положить ли точно куницу на воротник», – они отмечают появляющуюся гордыню Акакия Акакиевича, его желание выделиться). Приходя в департамент в новой шинели, он требует к себе внимания швейцара, поручая ему шинель «под особый надзор». После смерти Акакия Акакиевича его призрак нарушает еще две важнейшие заповеди: «Не укради» и «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх 20:15; 20:17). Таким образом, святость Акакия Акакиевича постепенно разрушается.

Итак, анализ текста повести обнаруживает, что ключевое значение в ней имеет остро актуальная для Гоголя идея гражданской службы, тесно связанная в сознании писателя с христианской идеей служения. Подтверждением актуальности перехода от общественного к универсальному смыслу является обращение к данной проблематике во всех произведениях Гоголя 40-х и 50-х годов, с кульминацией в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Эквивалентная интерпретация данного смыслового компонента «Шинели» является существенным условием эквивалентного перевода повести.

Четвертая глава «Анализ переводов «Шинели» с точки зрения интерпретационной позиции переводчиков» посвящена характеристике выполненных в разное время переводов, представляющих оригинальные интерпретации текста повести и различные переводческие установки. Анализ каждого перевода предшествует краткая справка о биографии переводчика, его личности и индивидуальном творческом методе. Отдельный раздел посвящен передаче в переводах «гуманного места» (так традиционно в гоголеведении именуется отрывок о духовном преображении молодого чиновника) как фрагмента, кон-

⁸ См. Смирнова Е.А. Поэма Гоголя «Мертвые души». – Л., 1987. – С. 143-144; Дилакторская О.Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Гоголя. – Владивосток, 1986. – С. 161-162; Де Лотто Ч. Лествица «Шинели»//Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 65-70; Ветловская В.Е. Житийные источники гоголевской «Шинели»//Русская литература. – 1999. – № 1. – С. 18-36; Евдокимов О.В. Кто же вошел в гоголевскую «Шинель»?//Начало. – 1995. – №2. – С. 102-110.

центрирующего в себе ключевое для «Шинели» дидактическое значение.

Перевод Д. Чамполи, будучи первым итальянским переводом «Шинели», оказал несомненное влияние на все последующие ее переводы. Главная заслуга Чамполи (независимо от достоинств и недостатков его перевода) заключается в том, что он возбудил интерес к повести, спровоцировав активное критическое ее осмысление, и определил традицию восприятия «Шинели» в Италии. В отличие от последующих переводчиков «Шинели», сопровождавших перевод предисловием-комментарием, Чамполи от подобного рода операций уклоняется, что не дает возможности с полной определенностью констатировать наличие четкой переводческой концепции. Тем не менее, анализ перевода позволяет выявить несколько ключевых пунктов интерпретации «Шинели».

Прежде всего, очевидно, что основная интенция переводчика – познакомить итальянского читателя с бытом русских *чиновников*. Подчеркивая элементы, связанные с тематикой службы, он игнорирует ее трансформацию, выводящую на следующий, этический уровень. Поэтому в переводе Чамполи «Шинель» оказывается анекдотом из русской чиновничьей жизни, бытописательным повествованием.

Подчеркивая «иноземный» характер описываемых событий и персонажей, Чамполи трижды вставляет прилагательное «русский» или словосочетание «в России», отсутствующие в оригинале. Подобные уточнения «этно-политических координат» дезавуируют универсальное значение повести.

Ориентация на передачу и усиление в переводе чиновничьей семантики проявляется в виде нескольких основных приемов:

а) комментирование заглавия повести. В примечании переводчик поясняет, что выбрал заглавие «unifome» потому, что это – «название, наиболее подходящее для одежды *činovnik*'а». Интересно, что слово «чиновник» в данном случае Чамполи транслитерирует, но использует в таком виде лишь единожды, в дальнейшем заменяя его несколькими итальянскими аналогами («*impiegato*», «*funzionario*»). Видимо, по замыслу переводчика, транслитерированное слово «*činovnik*» должно с самого начала обратить внимание читателя на экзотичность описываемого;

б) замена имени персонажа его чином («Акакий Акакиевич» → «(робкий, несчастный) титулярный советник»);

в) внесение в перевод слов, указывающих на чиновничий статус персонажей повести: «он» → «достойный чиновник», «все» → «все коллеги». Переводчик, игнорируя учительный аспект тематики службы-служения, усиливает ее внешнее проявление из-за новизны ее для итальянской литературы. Частое педалирование темы службы в переводе сглаживает общечеловеческий смысл, который и делает повесть столь значительным явлением мировой литературы;

г) подчеркивание «чиновничьего» характера повествования оказало влияние и на перевод синтаксического строя повести: переводчик, очевидно, с целью соблности единообразию канцелярского стиля часто допускает произвольное распространение синтаксических конструкций («Это обстоятельство ускорило ход дела» → «Подобное увеличение его сбережений несомненно должно было ускорить совершение его памятного начинания (Un simile aumento nelle sue risorse doveva necessariamente affrettare il compimento della sua memorabile impresa)»⁹).

Бесспорна в переводе тенденция к эвфемизации всех элементов, шокирующих слух и эстетический вкус читателя («...цвет лица что называется геморроидальный» → «бесчисленное множество других мелких недостатков»; «...заметивши, что желудок начинает пучиться» → «...утолив голод» и др.). Нередки в данном переводе и случаи непонимания текста, переводческие ошибки. Тем не менее, отметим в целом удовлетворительную для начала века точность перевода Чамполи, заслуживающего тем более высокой оценки, что в нем удалось передать не только сюжет, но и некоторые стилистические особенности гоголевского произведения. Наиболее серьезным недостатком данного перевода является именно утрата гуманистического звучания повести, однако это звучание сохраняется имплицитно, в силу того, что этическая проблематика заложена в ее сюжете (мотивы терпеливого принятия своей доли, бессердечия людей и др.).

Перевод К. Альваро, калабрийского писателя, очевидно ориентирован на текст Д. Чамполи: различия между ними несущественны и почти не выходят за пределы грамматических (морфологических и синтаксических), интерпретационные позиции переводчиков оказываются полностью идентичными, что в принципе невозможно в случае самостоятельного выполнения перевода.

Ориентация на перевод Чамполи подтверждается также совпадением неточно переведенных отрезков текста, фактических ошибок: у обоих переводчиков датой рождения Акакия Акакиевича названо второе марта вместо двадцать третьего; квартиры чиновников состоят из одной комнаты, кухни и прихожей, в то время как в оригинале комнат две, и др. Кроме того, в переводах Чамполи и Альваро купированы одни и те же эпизоды.

Проведенное нами сопоставление переводов Чамполи и Альваро позволяет усомниться в наличии у последнего русского текста повести: в некоторых случаях его перевод заметно отклоняется от гоголевского текста и значительно меньше – от перевода Чамполи. Таким образом, перед нами – нечастый для итальянских переводов XX века случай «вторичного перевода».

Тем не менее, текст перевода Альваро существенно отличается от «L'unifome» Чамполи, прежде всего своей упрощенностью и сокращенностью. Конечно, Альваро во избежание обвинения в нарушении авторских прав первого переводчика «Шинели» пытался скрыть свою опору на перевод Чамполи, пользуясь для этого следующими средствами и приемами:

⁹ L'uniforme. – Milano, 1916. – С. 207.

1. Замена лексических единиц перевода Д.Чамполи предельно близкими контекстными синонимами (egregio – onorevole, vestito – indumento, restare – rimanere, alla fine – finalmente, niente – nulla, di malumore – di cattivo umore, mettere – riporre, infiniti calcoli – lunghi calcoli, subordinati – dipendenti, inorgogliuto – superbo и т.д.). Благодаря богатой синонимике итальянского языка, этот прием является одним из наиболее часто используемых Альваро.

2. Изменение синтаксических конструкций (Questi pensieri lo rendevano talvolta singolarmente distratto. – Arrivo’ al punto d’esser distratto. Il giorno seguente il suo posto fu occupato da un altro impiegato... – Un impiegato nuovo occupo’ il suo posto il giorno dopo... и другие). К изменениям синтаксических конструкций относятся и изменения порядка слов (Qua e la’ un fanale, che per mancanza d’olio minacciava di spegnersi. – I fanali qua e la si stavano spegnendo per mancanza d’olio).

3. Опущение части предложения (Non comperarono martora perche’ troppo cara, ma si decisero per la piu’ bella pelliccia di gatto... – La martora non la comparono perche’ decisero di comprare la miglior pelle di gatto... и др.).

Итак, перевод Альваро не представляет существенного интереса с точки зрения отражения в нем индивидуальной интерпретации гоголевского текста или с точки зрения языка, но является показательным примером такого явления, как «вторичный перевод». Возможно, именно опора на перевод Чамполи, отсутствие знакомства с оригиналом не позволили Альваро найти интересные, собственно авторские переводческие решения. Отсутствие в данном переводе интерпретационной гипотезы и ориентированность на текст, выполненный другим переводчиком, оказали на него парализующее влияние, лишив энергетики творческого сознания и живости слова.

Перевод К.Реборы. К.Ребора – крупный поэт и философ-мистик – увидел в Акакии Акакиевиче тип настолько значительный для русской литературы и близкий себе, что сопроводил собственный перевод обстоятельнейшим и в высшей степени субъективным комментарием, в котором изложил свою глубоко индивидуальную интерпретацию повести. Учитывая метафоричность языка комментариев, их можно назвать скорее лирическими размышлениями, чем критическими замечаниями.

Особое внимание Ребора обращает на этический аспект повести; основной ее смысл он видит в идее социальной и одновременно христианской справедливости, заключенной в последней, фантастической, части. Акакий Акакиевич, как подчеркивает Ребора, – именно «унижающий себя», евангельский «нищий духом». Религиозное восприятие «Шинели» обнаруживается у Реборы и в других пунктах интерпретации. В частности, стремление Акакия Акакиевича к новой шинели переводчик воспринимает как ожидание грядущего Мессии. Шинель для Акакия Акакиевича – идеал, но в то же время его профанация, несовершенное вещественное воплощение того, до чего можно дотронуться только духовно. Новая шинель становится обстоятельством, не позволяющим герою вести обычную жизнь, переключая на себя внимание, до этого всецело отдаваемое переписыванию бумаг. Герою нечего больше желать, не к чему стремиться, поэтому приближающийся конец закономерен. Шинель приобрела для чиновника неоправданно большое значение, и утрата ее равноценна утрате смысла жизни. Герой умирает. Но, – пишет Ребора, – Гоголь не хочет, чтобы праведная жизнь Акакия Акакиевича прошла напрасно. В фантастической части повести мы видим сверхъестественный моральный эффект призрака Акакия Акакиевича, который как будто превращается в совесть тех, кто обижал его. Таким образом, комментарий обнаруживает оригинальное и изысканное религиозно-этическое осмысление гоголевской повести, в высшей степени отмеченное личностью переводчика.

Сравнение оригинального и переводного текстов демонстрирует, что Ребора намеренно или бессознательно выделяет скрытый или потенциальный у Гоголя религиозно-этический смысл. Именно с такой точки зрения рассматривается в переводе тема службы. Ребора подчеркивает, что Гоголь неоднократно возвращается в «Авторской исповеди» к словам: «Миссия человека служить, и вся жизнь есть служение». Такой взгляд переводчика нашел отражение в переводе: отвлечение от работы, пренебрежение ею считается грехом, делом непозволительным и даже опасным, ибо отречение от служения ведет героя к обездуховливанию, потере светоносности личности («Ни один раз в жизни не обратил он [Акакий Акакиевич] внимания на то, что делается и происходит всякой день на улице» → «Не было опасности (non c’era pericolo), что он хоть раз обратит внимание на ежедневные дела и происшествия»¹⁰; «...пока не оттают таким образом все замерзшие на дороге способности и дарования к должностным отправлениям» → «...пока таким образом не оттают способности, замерзшие по пути, и не зажжется свет (e si riaccendono i lumi), необходимый для государственной службы»¹¹ и др. Служба, как будто говорит Ребора, – светлое занятие. В дальнейшем светозарность отнимет у нее «светлый гость», шинель. Кажется, эта переключка не случайна.

Особое место в переводе Реборы занимает мотив трактовки шинели как телесного, земного воплощения Идеала и подмены ею – вещью – любви к службе. Сначала фиксируется факт эмоционального наслаждения, получаемого от переписывания бумаг. Потом, уже будучи увлеченным идеей шинели, Акакий Акакиевич ждет, когда «шинель станет совершившимся фактом (diverrebbe un fatto compiuto)»¹². Шинель в переводе еще в большей степени, нежели у Гоголя, наделяется качествами одушевленного существа, но, даже становясь «подругой» Акакия Акакиевича, она продолжает оставаться лишь «милой идеей». И только когда она, наконец, готова, то окончательно переходит из области идей в материальный мир, реально становясь «живой» подругой бедного чиновника, которую тот «ласкает взглядом». Как ви-

¹⁰ П Sappotto. Milano, 1992. – С. 17.

¹¹ Там же. – С. 20.

¹² Там же. – С. 32.

дим, каждый пункт интерпретации шинели как воплощения «идеала», значимого живого существа, отнявшего у службы ее значение, вызвал в переводе некоторые изменения по сравнению с оригинальным текстом.

В переводе Реборы существенным изменениям подвергся образ *значительного лица*. В результате генерал воспринимается не «запутавшимся» и зачастую возбуждающим жалость человеком, а грешником: его «Евангелием» становятся гордыня и высокомерие, усиливающиеся в разговоре с Акакием Акакиевичем; иронически замаскированное у Гоголя лицемерие значительного лица эксплицируется («...*значительное лицо был* уже человек немолодой, хороший супруг, почтенный отец семейства» → «...значительное лицо был уже человеком немолодым и *считался* (passava per) хорошим мужем и уважаемым отцом семейства»¹³). Одним словом, *значительное лицо* в трактовке переводчика – типичная «мертвая душа». Хотя и для него еще не все потеряно – совесть в обличье Акакия Акакиевича заставила его измениться. Проанализировав комментарии Реборы, излагающие концепцию «Шинели», и текст перевода, мы отмечаем несомненные литературные достоинства последнего (в частности, Ребора, в отличие от предыдущих переводчиков, точно передает разговорно-просторечный слой текста, для чего часто использует средства миланского и римского диалектов, внимательно относится к труднопереводимым особенностям языка оригинала). Кроме того, Ребора выделяет не отмеченные до него духовно-христианские аспекты «Шинели», что обуславливает многие лексико-стилистические особенности перевода.

Перевод Т.Ландольфи. Т.Ландольфи – известный итальянский писатель-мистик, считавший Гоголя своим духовным наставником. Он, как и К.Ребора, считает, что бытовой, социальный уровень произведений Гоголя нельзя признать основным. По мнению переводчика, Гоголь – писатель-импрессионист (важна не столько сюжетная канва его произведений или их идейное содержание, сколько вызываемое ими у читателя ощущение). Именно поэтому углубляться в интерпретацию гоголевских произведений представляется Ландольфи бесполезным, ибо их следует воспринимать в первую очередь не на интеллектуальном, рациональном уровне, а на уровне впечатлений, интуитивного постижения. Рассматривая гоголевские произведения с такой точки зрения, Ландольфи утверждает, что все «Петербургские повести» отражают экзистенциальный «кризис отчаяния» и смятение Гоголя. Кроме того, Ландольфи отмечает новаторство гоголевского языка, в котором грамматические «разрывы» играют существенную смысловую роль, усиливая впечатление нелогичности петербургской жизни, а трудные для восприятия синтаксические периоды и речевые ошибки рождают неожиданные образы и придают всему тексту живость, свойственную разговорной речи. Что касается установок переводчика на характер обращения с оригинальным текстом, то в предисловии декларируется исключительная близость к нему. Тем не менее, анализ текста перевода с очевидностью демонстрирует, что Ландольфи нивелирует определенные аспекты повести и выделяет другие. Наиболее часты трансформации, связанные с усилением мистического плана. Так, если у Гоголя слово с корнем «фантастический» встречается лишь дважды и оба раза в эпилоге повести, то в переводе слова «fantasticheria» (фантазия, причуда) и «fantasia» (фантазия, прихоть) появляются чаще, заменяя лексемы со значением мыслительной или иной деятельности («Размышления об этом чуть не навели на него (Акакия Акакиевича) рассеянности» → «Эти фантазии (fantasticherie) чуть не сделали его рассеянным»¹⁴).

В некоторых случаях, очевидно в русле творческого метода Ландольфи, активного участника флорентийского кружка герменевтов, подчеркивается таинственная необъяснимость, загадочность событий и явлений, описываемых в повести: «...но такие уж задачи бывают на свете...» → «...но таких загадок (indovinelli) полон мир»¹⁵ и др.

Кроме того, в отличие от других переводчиков, Ландольфи уделяет значительное внимание передаче выражений с семантикой неуверенности. Бесчисленные «не помню», «ничего этого не известно», «никто не мог припомнить», «казалось», «какой-то», «кое-где», «что-нибудь», «неизвестно откуда взявшись», «может быть», «память начинает нам сильно изменять», «если только не изменяет память» не утратились при переводе, в результате чего в нем не только сохранилась, но даже усилилась фантазмагоричность, иллюзорность петербургского мира.

Утверждая, что «Шинель» наполнена растерянностью и безнадежностью, Ландольфи усиливает эти ощущения в своем переводе, а интерпретация текста «Шинели» как отражения экзистенциальной тоски автора повести отразилась, в буквальном смысле слова, в сгущении красок: трижды добавляется прилагательное «темный», вовсе отсутствующее в оригинале. Это делает Петербург более мрачным, чем он изображен у Гоголя, и подчеркивает безысходность жизни в нем.

Итак, несмотря на близость творческого дарования Ландольфи гоголевскому таланту и намерение итальянского писателя сохранить верность оригиналу, его оригинальная интерпретация произведения оказывается существенно отличной от художественного замысла автора повести: первостепенное значение, которое в оригинале имеет тема службы, подменяется в переводе Ландольфи мотивом экзистенциальной жестокости мира.

Перевод Э.Баццарелли. Перевод «Шинели», выполненный ученым-русистом Э.Баццарелли, был впервые опубликован в 1980 году и выдержал пять переизданий. В предисловии к нему декларируется намерение помочь читателю понять все мельчайшие подробности гоголевского рассказа. Будучи «филологическим» переводом, текст Э.Баццарелли изобилует комментариями, которые, по замыслу переводчика, и должны обеспечи-

¹³ Там же. – С. 58.

¹⁴ П mantello. – С. 239.

¹⁵ Там же. – С. 274.

вать «правильное» (то есть учитывающее все потенциальные значения оригинального текста) восприятие произведения. Этой же цели служит и обширное вступление к данному переводу. Основное содержание повести, проявляющееся на нескольких уровнях – бытовом, психологическом, философском – представляется переводчику следующим образом: «...отражение экзистенциальной ситуации, которая одновременно выражает определенное, точное состояние той эпохи и вечную человеческую проблему: конфликт между потребностью любви и справедливости и насмешкой судьбы, которая эту потребность разрушает»¹⁶. Акакию Акакиевичу, не обладающему никакой властью, нет места в русском обществе времен Николая I, когда человек определялся чином и своей «способностью кусаться». Как любое существо, герой способен и хочет любить, но нигде не встречает понимания. Поэтому его чувство обращается на неодушевленные объекты: на буквы алфавита, потом на шинель. Вместе с тем, по мнению исследователя, нельзя отрицать и влияние несчастной судьбы Акакия Акакиевича, насмехающейся над ним с самого начала его жизни. Вообще, переводчик, заявляя о своем намерении в полной мере передать многоплановость и многозначность текста и главного героя повести, в действительности обращает особое внимание на мотив жестокости судьбы и людей по отношению к Акакию Акакиевичу. Мысль переводчика о важности для Гоголя идеи трагичности судьбы отражена, в частности, в сцене выбора имени Акакия Акакиевича, когда неблагоприятное отношение судьбы к нему, по мнению переводчика, выражается в обилии старинных или неблагозвучных имен (в переводе обнаруживается прямое указание на судьбу: «как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник» – «будто предчувствовал свою судьбу титулярного советника»).

Тематика служения в переводе Баццарелли ослабляется, что проявляется на уровне языка в замене канцеляризмов, которыми насыщен текст оригинала, стилистически нейтральными выражениями (всякой частный человек → каждый, во избежание всяких неприятностей → чтобы избежать всяких неприятностей), гоголевский глагол «служить» Баццарелли часто опускает или передает лексемой «lavogare» (работать).

Неизбежные смысловые потери Баццарелли попытался компенсировать обильным комментированием: текст его перевода сопровождается 110 комментариями, которые можно условно разделить на несколько групп:

1. Комментарии в традиционном для переводоведения значении этого термина – раскрытие смысла некоторых понятий (или фрагментов текста), принадлежащих незнакомой реципиенту культуре (15).

2. «Литературоведческие» комментарии (19), то есть наблюдения научного характера, принадлежащие самому Баццарелли, или цитируемые им работы других исследователей (например, пояснения, относящиеся к творческому методу Гоголя, особенностям его комизма, композиции произведения, роли детали и цветообозначений в «Шинели» и вообще в творчестве писателя и т.д.).

3. «Лингвостилистические» комментарии, наиболее обширные в количественном отношении (36), анализирующие словоупотребление и художественные приемы Гоголя (гиперболизацию, детализацию, употребление в тексте курсива, звукописи и проч.). Кроме того, Баццарелли демонстрирует непередаваемую игру слов, каламбуры.

4. Примечания, раскрывающие мастерство Гоголя-психолога (21).

5. «Ассоциативные» комментарии – замечания, возникшие у переводчика в процессе работы над текстом и не всегда имеющие прямое к нему отношение (7).

6. «Комбинированные» комментарии, соединяющие в себе разнородные сведения (5).

В целом, комментарии Э.Баццарелли весьма субъективны и, при общей установке перевода на научность, являются скорее комментариями к собственной интерпретации переводчика, чем к гоголевскому тексту. Показательно, что по крайней мере в пятнадцати комментариях итальянский ученый говорит о жестокости судьбы по отношению к Акакию Акакиевичу, причем иногда комментируемый гоголевский текст лишь с натяжкой дает основания для такого понимания (например, отрывок, повествующий о том, как несчастный Акакий Акакиевич возвращался от значительного лица домой, и ветер «по петербургскому обычаю, дул на него со всех четырех сторон», сопровождается следующим комментарием: «...Акакий Акакиевич – дитя, покинутое всеми перед лицом злых духов, которые ополчились на него со всех четырех сторон света»¹⁷. Обозначенный в этом пояснении возрастной статус персонажа («дитя») воспринимается как метафора его интеллектуальных и душевных качеств. Ветер «петербургских углов» преобразуется в мировые силы зла. В результате гиперболизируется мотив бессилия перед роком, фатального несчастья.

В итоге отметим, что комментарии и вообще весь справочный аппарат к тексту этого перевода являются существенным подспорьем для изучающих русскую литературу, так как позволяют познакомиться с различными критическими осмыслениями текста и на этой основе сформировать собственную концепцию повести.

«Гуманное место» в итальянских переводах. Объективизировать специфику творческого начала в переводе удобнее всего на примере общего фрагмента текста, небольшого по объему. Для более подробного анализа в реферируемой работе выбрано так называемое «гуманное место» – отрывок, где описано нравственное перерождение петербургского чиновника, которому Акакий Акакиевич открывает великую моральную истину: «Я брат твой!». Этот отрывок концентрирует ключевое для «Шинели» учительное значение и, по наблюдению Е.А.Суркова, несет в себе элементы проповеди (этическая установка, дидактиче-

¹⁶ Il Cappotto. Milano, 1995. – С. 21.

¹⁷ Il Cappotto... – С. 189.

ская направленность, эмоциональное воздействие на читателя)¹⁸. Действительно, стилистически этот содержательный блок заметно отличается от остального текста повести: в нем не употребляются излюбленные Гоголем просторечные лексические единицы, зато присутствуют слова и обороты высокого стиля («преклоняющее на жалость», «остановился как будто пронзенный» и др.).

В переводе Д.Чамполи и ориентированном на него переводе К.Альваро меняется тональность повествования: проникновенные слова Акакия Акакиевича, взывающего к жалости коллег, звучат в переводе Чамполи сердитым вскриком раздраженного человека («Прочь, оставьте меня! Почему вы хотите совершенно отвлечь меня от моей работы?» (Via, lasciatemi stare! Perche' volete assolutamente disturbarmi nel mio lavoro?))¹⁹. Кроме того, у Чамполи добавлено предложение, коренным образом меняющее смысл отрывка: после слов Акакия Акакиевича молодой чиновник «...испытывал к ним (коллегам) настоящее отвращение»²⁰. В оригинале Акакий Акакиевич производит на молодого чиновника исключительно благотворное воздействие, пробуждая в нем скорбь и жалость, заставлявшие содрогаться при виде того, «как много в человеке бесчеловечья». В переводе же слова Акакия Акакиевича пробуждают откровенную неприязнь к ближнему. Кроме того, большее значение, чем в оригинале, приобретает семантика гражданской службы («обижаете» → «отвлекаете от работы»).

К.Ребора, при отмеченной выше сосредоточенности на гуманистически-христианской интерпретации повести, разумеется, не мог обойти вниманием «гуманное место». Трансформации, произведенные им в переводе данного отрывка, касаются педалирования этической стороны службы путем «повышения» стиля. Слова Акакия Акакиевича приобретают новые характеристики, делающие их более уместными в устах проповедника или пророка, открывающего истину («И что-то странное заключалось в словах его и в голосе, с каким они были произнесены» → «И было что-то странное и сокровенное (recondito) в словах и в голосе, которым они произносились»²¹), поэтому молодой чиновник слышал в словах героя «призыв» и «грозное предупреждение».

В отличие от перевода К.Реборы, у Т.Ландольфи этот отрывок отмечен снижением учительного пафоса («...он произносит: «оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» → «...он говорит (diceva): «Оставьте меня в покое! Зачем вы меня обижаете?»»²². «Произнести» значит не просто сказать, а сказать медленно и отчетливо, выделить голосом. Вместе с тем, у Ландольфи и в «гуманном месте» эксплицитно проявляется значимый для его перевода концепт эмоциональной неуравновешенности, беспокойства: «...это (насмешки коллег) не имело даже влияния на занятия его» → «Это не тревожило его труда (Ne' cio' turbava il suo lavoro)²³, а предложение «... (молодой чиновник) вдруг остановился как будто пронзенный» переведено: «внезапно остановился (si fermò a un tratto)²⁴, что демонстрирует утрату остроты морального эффекта слов Акакия Акакиевича.

Э.Баццарелли, эквивалентно передавая «гуманное место», комментирует его: «При жестокости (судьбы, людей), которая составляет реальное основное содержание «Шинели», единственная, хотя и слабая надежда Акакия Акакиевича состоит в возможном осуществлении субстанциального требования христианства, но абсурдность этой надежды очень быстро становится очевидной; она не может сбыться в той «варварской» реальности, в которой живет Акакий Акакиевич»²⁵. Таким образом, эпизод с очевидной этической направленностью под влиянием переводческой интерпретации преобразуется в ситуацию, демонстрирующую жестокость мира по отношению к главному герою.

Таким образом, во всех переводах, кроме текста К.Реборы, теряется концентрация учительного значения отрывка: Д.Чамполи трактует его как эпизод служебной деятельности Акакия Акакиевича, у Т.Ландольфи ослабляется момент катарсического очищения молодого чиновника, у Э.Баццарелли этический смысл нивелирован за счет подчеркивания трагичности судьбы персонажа, что соответствует общей тенденции интерпретации повести переводчиками.

* * *

При всем разнообразии переводческих решений, некоторые особенности и отрывки гоголевского текста получили в итальянских переводах одинаковое воплощение.

1) Все переводчики, знавшие о трагическом окончании жизни Акакия Акакиевича, задолго до конца повести подготавливают читателя перевода к печальной развязке, намекая на неизбежную смерть героя.

2) Одинаково в переводах Реборы, Ландольфи и Баццарелли трактуется отношение Акакия Акакиевича к буквам (Чамполи и Альваро произвели усечение этого предложения, так что в их переводах оно отсутствует): предложение «Некоторые буквы были его фавориты» приобрело вид «были его фаворитки». Такое преобразование можно объяснить и влиянием грамматики итальянского языка, в котором слова «lettera» (буква) женского рода, но в данном случае замена обусловлена скорее семантикой: Акакий Акакиевич любит свою работу, и переводчики подчеркивают, что на нее направлена его чувственная страсть. Эта трансформация представляется неоправданной, поскольку использованное в гоголевском тексте су-

¹⁸ Сурков Е.А. Тип героя и жанровое своеобразие повести Н.В.Гоголя «Шинель»//Типологический анализ литературного произведения. Кемерово, 1982. – С. 70.

¹⁹ L'uniforme. – С. 194.

²⁰ Там же. – С. 194.

²¹ Il Cappotto. – С. 14.

²² Il mantello. – С. 232.

²³ Там же. – С. 232.

²⁴ Там же. – С. 233.

²⁵ Il Cappotto. – С. 175.

ществительное мужского рода (при том, что и в русском языке слово «буква» женского рода) свидетельствует о неактуальности для Гоголя идеи «плотской» любви при исполнении высшего долга.

3) Переводчики выделяют внешнюю (визуальную) сторону объекта там, где Гоголь имеет в виду внутренне присущее ему качество (предложение «В самом деле две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо» в итальянских переводах неизменно связывается с понятием красоты: «Во-первых, шинель была теплой; во-вторых, она была красивой (di bella vista)»).

4) Во всех переводах происходит замена часто повторяемого Гоголем слова «совершенно». Очевидно, это делается, во-первых, для смягчения излишней категоричности повествования, во-вторых, с целью недопущения тавтологий, причем точность передачи лексемы «совершенно» во всех контекстах напрямую связана со временем выполнения перевода (от тридцати четырех пропущенных «совершенно» у Чамполи до десяти у Баццарелли). Подобные изменения касаются и других часто используемых Гоголем лексем («даже», «сказать» и др.).

Помимо перечисленных отдельных совпадений, общей для абсолютного большинства итальянских переводов является тенденция стилистической переработки оригинального текста: гоголевские элементы просторечия, с одной стороны, и канцеляризма, с другой, часто переданы в переводах нейтральными языковыми средствами. Подобная черта свойственна итальянскому переводческому методу в целом.

В заключении диссертации сформулированы следующие выводы:

1. В процессе эвристического восприятия иноязычного текста его интенциональное значение не может быть полностью усвоено реципиентом в силу различия коммуникативных кодов автора и воспринимающего субъекта. В данном случае, подчеркиваемая Гоголем идея служения как многогранного – бытового, гражданского, нравственного – феномена в двух переводах оказывается суженной (у Д.Чамполи – до социального, у К.Реборы – до сугубо этического значения), а в остальных подменяется другими интерпретационными позициями, среди которых в качестве «полюса рецептивной активности» выделяется присутствующая в двух переводах (Т.Ландольфи, Э.Баццарелли) трактовка гоголевского текста как отражения экзистенциального пессимизма автора.

2. Разные идеологические установки корректируют эстетическое пространство. Каждая из отмеченных переводческих концепций определяет выбор индивидуальной стратегии перевода, а также преимущественное использование определенных рядов стилистических и лексических средств для выделения того или иного смыслового пласта. Установленные частные расхождения между переводами не ограничиваются отдельными переводческими решениями, а оказываются связанными с целостной интерпретацией текста оригинала переводчиками.

3. При всех различиях, обусловленных индивидуальными переводческими интерпретациями, общей для большинства итальянских переводов является тенденция к эстетизации текста, проявившаяся прежде всего в стилистическом упрощении оригинала, отказе от просторечных и разговорных лексических средств.

Проведенное исследование открывает обширные перспективы для дальнейшей работы. С одной стороны, нуждаются в рассмотрении итальянские переводы всего массива произведений Гоголя и функционирование гоголевского наследия в контексте итальянской культуры, с другой, далеко не завершена дискуссия о роли творчески-интерпретирующего начала в процессе перевода текстов различной жанровой природы. Очевидно, что эти проблемы требуют дальнейшего внимательного изучения с привлечением концепций и методик современной компаративистики, а также психологии творчества, культурологии, исторической поэтики и рецептивной эстетики.

Список опубликованных работ по теме диссертации

1. Проблема творческого переосмысления текста художественного произведения при переводе («Шинель» Н.В.Гоголя в Италии)//Материалы XLI МНСК «Студент и научно-технический прогресс». – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. – С. 6-8.
2. Художественный перевод как объект теоретических дискуссий//Материалы 4-ых Филологических чтений «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении». – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. – С. 195-201.
3. Проблемы переводной множественности: повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в Италии//Русская литература и внелитературная реальность. Историко-литературный сборник. Материалы «Герценовских чтений» 2003 г. – СПб.: Сага, 2004. – С. 60-63.
4. Повесть Н.В.Гоголя «Шинель» в итальянских переводах//Вестник НГУ (серия «История, филология»). Т. 2. Вып. 1. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – С. 11-18.
5. Первый перевод повести «Шинель» на итальянский язык: успехи и неудачи переводчика//Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения 2004). – СПб.: Петербургский институт печати, 2005. – С. 80-86.
6. Повесть «Шинель» в контексте социально-этических взглядов Н.В.Гоголя 1840-х годов //Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения 2005) (в печ.) (0,5 а.л.).